

Вишнякова Екатерина Андреевна

ОБРАЗ ГРИГОРИЯ МЕЛЕХОВА В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ 1939-1941 ГОДОВ

В статье рассматривается эволюция образа Григория Мелехова в восприятии литературной критики 1939-1941 гг. Обращается внимание на трансформацию образа Григория Мелехова в восприятии литературной критики: от колеблющегося героя-одиночки до трагической личности. Григорий Мелехов осмысливается как герой, ищущий свой путь, сомневающийся, призванный многое пережить. Испытания очищают Григория Мелехова и показывают, что его судьба тесно связана с судьбой народа. Литературная критика 1939-1941 гг. приходит к выводу о новаторстве в изображении Григория Мелехова.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/7-1/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 1. С. 12-16. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phii@gramota.net

в образе Лолиты становится его свободным выбором. В отличие от героев романтизма герой В. В. Набокова не пытается в конечном итоге демонизировать Лолиту. После бегства Лолиты он движется в обратном направлении, что в романе мотивировано поисками похитителя. Однако он также восстанавливает картину душевной жизни Лолиты и принимает ее. Совершенно невозможно представить в подобном положении Дона Хозе или Клода Фролло. Сходство Лолиты с Венерой Боттичелли Гумберт осознает в сцене последней встречи с ней в Коулмонте [Там же, с. 327], замыкая ассоциативный круг, разгадывая загадку «роковой возлюбленной».

Список источников

1. **Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова:** критические отзывы, эссе, пародии / под общей редакцией Н. Г. Мельникова. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 688 с.
2. **Набоков В. В.** Лолита: роман, рассказ. Харьков – М.: Фолио; АСТ, 1997. 431 с.
3. **Проффер К. Р.** Ключи к «Лолите» / пер. с англ. СПб.: Симпозиум, 2000. 302 с.
4. **Churchill В. А.** The Lolita Phenomenon: The Child (femme) fatale at the *Fin de siecle*: doctoral dissertation. Edmonton, Canada, University of Alberta, 2003. 256 p.

**“FATAL WOMAN” IN THE ROMANTICISM LITERATURE:
ON THE ORIGIN OF LOLITA IMAGE IN V. V. NABOKOV’S NOVEL**

Antoshina Elena Vasil'evna, Ph. D. in Philology
Tomsk Polytechnic University
arancia@mail.ru

The article examines the origin of Lolita image in the context of European romanticism. The paper analyzes the transformation of “child-wife” image, underlying the patriarchal culture, into the “fatal woman” image. The author describes the images included into the “fatal woman” discursive line. This line traces its origin to the images of Venus, gypsy woman, kidnapped child, and vampire. The researcher identifies typical emotional experiences of romantic characters, their similarity and difference with V. V. Nabokov’s personages.

Key words and phrases: V. V. Nabokov; V. Hugo; P. Mérimée; Russian literature of the XX century; American literature of the XX century; “Lolita”; romanticism; history of discourse.

УДК 821.161.1

В статье рассматривается эволюция образа Григория Мелехова в восприятии литературной критики 1939-1941 гг. Обращается внимание на трансформацию образа Григория Мелехова в восприятии литературной критики: от колеблющегося героя-одиночки до трагической личности. Григорий Мелехов осмысливается как герой, ищущий свой путь, сомневающийся, призванный многое пережить. Испытания очищают Григория Мелехова и показывают, что его судьба тесно связана с судьбой народа. Литературная критика 1939-1941 гг. приходит к выводу о новаторстве в изображении Григория Мелехова.

Ключевые слова и фразы: «Тихий Дон»; М. А. Шолохов; Григорий Мелехов; эволюция образа; литературная критика 1939-1941 годов.

Вишнякова Екатерина Андреевна

Институт Мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва
ekaterinav91@mail.ru

**ОБРАЗ ГРИГОРИЯ МЕЛЕХОВА
В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ 1939-1941 ГОДОВ**

После публикации 8-й части «Тихого Дона» в журнале «Новый мир» в 1940-м году появился целый ряд критических статей, посвященных роману. Критика называла заверченный роман М. А. Шолохова выдающимся художественным произведением: «Первое ощущение после того, как прочтешь книгу, – ощущение большого потрясения. Эта книга значительна, в первую очередь тем, что заставляет думать» [24, с. 5]. В своем большинстве отклики на роман Шолохова были полемическими. В спорах о «Тихом Доне» возникали различные точки зрения, размышления над которыми позволяют выявить глубинные художественные достоинства романа. Чрезвычайно показателен тот факт, что в тех дискуссиях определились основополагающие толкования романа, надолго обосновавшиеся затем в учебниках школ и университетов, в монографиях и литературных энциклопедиях.

Стержнем обсуждения романа стал образ Григория Мелехова, вызвавший небывалый интерес читателей. Они писали М. Шолохову, обращались в органы печати и Союз писателей с просьбой оставить Григория Мелехова живым, участвующим в делах современности. Литературная критика, ожидая заключительную

часть романа «Тихий Дон», делала различные предположения о судьбе главного героя. В. Я. Кирпотин отмечал: «Перед нами 8-я часть “Тихого Дона”, часть, которую мы все ждали с большим нетерпением. Мы гадали: чем же окончится судьба Григория Мелехова, как развернутся события дальше?» [16, с. 427]. Как справедливо утверждают современные исследователи, «с этого момента начинается дискуссия о завершённом “Тихом Доне”, сосредоточившаяся в основном на финале романа и содержании образа Григория Мелехова» [28, с. 258]. Первым на завершённый «Тихий Дон» откликнулся Ю. Лукин в статье «Окончание “Тихого Дона”», которая появилась в «Литературной газете» 1 марта 1940 года. Роман был оценен им высоко, чего нельзя сказать о главном герое. Ю. Лукин отмечал, что «Григорий мог бы быть нашим человеком, но он безнадежно запутался. Григорий остался в живых, но по существу он умер» [24, с. 5].

Важной вехой этого этапа стало публичное обсуждение романа Шолохова 19 мая 1940 года в Союзе писателей СССР. Дискуссия, продолжавшаяся чуть менее полугодом, главным образом, касалась образа Григория Мелехова. В обсуждении приняли участие Ю. Лукин, В. Гоффеншефер, В. Кирпотин, В. Перцов, А. Лейтес, И. Экслер, А. Бек и другие. В процессе дискуссии определились основные на то время концепции жизненного пути Григория Мелехова, которые позже будут входить в учебные программы школ и университетов. Эти концепции впоследствии будут известны как «концепция отщепенства», «концепция исторического заблуждения» и т.д.

Следует отметить, что в 1940 году среди критиков еще не было единого мнения об образе и судьбе Григория Мелехова. Часть публикаций была проникнута осуждающе-обвинительными интонациями по отношению к главному шолоховскому герою. Столь же суровый и безоговорочно однозначный приговор главному герою выносит и литературный критик Д. Заславский. В статье «Конец Григория Мелехова» он обращает внимание на то, что совсем не случайно в романе «покаянный» путь Григория, его служба в Красной Армии показаны бегло и схематично, что он «...попал в Красную Армию, воевал против белополяков, – и от всей этой, хотя и кратковременной, но важнейшей полосы в жизни Григория, осталась только анкетная справка» [14, с. 4]. Не менее жестко судил главного героя и критик М. Чарный, который отметил, что все внешние события, происходящие с Григорием Мелеховым, являются следствием его внутренней жизни, что «почему “надоела” Мелехову контрреволюция – это изображено обстоятельно и с огромной силой убедительности. Почему “надоела” революция – не видно... Здесь что-то недосказано...» [31, с. 4].

Продолжая дискуссию, Д. Лейтес утверждал, что в Григории Мелехове множится «неистовое стремление к тому, чтобы укрыться от классовой борьбы, остаться где-то в “середке”, между революцией и контрреволюцией...» [22, с. 4]. Немало усилий было потрачено критиками на то, чтобы доказать ущербность личности главного героя романа. В. Кирпотин так говорил об образе Григория Мелехова: «Григорий, несмотря на то, что он несомненно является значительным и привлекательным характером, – человек стадного поведения» [17, с. 186]. Для В. Кирпотина Григорий Мелехов, как и остальные герои романа – донские казаки, предстает человеком неразвитым, скудоумным, лишенным сколько-нибудь значимой внутренней жизни. Следует отметить, что эта точка зрения получила позднее довольно широкое распространение и надежно закрепились в школьных учебниках на длительное время.

Конечно, такой взгляд на шолоховского героя далеко не всегда находил столь прямолинейное и категоричное выражение. Так, критик И. Лежнев в статье с говорящим названием «Мелеховщина» отмечает немало качеств шолоховского героя, которые свидетельствуют о его благородстве и человеческом достоинстве: храбрость, принципиальность, бескорытность, патриотизм. Григорий Мелехов «многосторонне одарен... Его чувства тонки и сложны. Ему близки идеи социальной справедливости...» [21, с. 164]. Однако за этими признаниями следуют характеристики, которые ставят их под сомнение, подчеркивая личностную раздвоенность героя. Так возникает еще одна точка зрения, нашедшая целый ряд сторонников. Об этих взглядах на героя Шолохова позднее справедливо писал Ф. Г. Бирюков, который отмечал, что «противоречия в Григории идут от якобы сидящего в нем мелкого хозяйчика. Мелехов – образ самой раздвоенности» [4, с. 100].

Еще до публикации последней части «Тихого Дона», в 1939 году, на противоречивость характера Григория Мелехова указывал С. Березнер, который предостерегал от поверхностного понимания этого образа. Критик утверждал, что сам по себе классовый подход к Григорию Мелехову не способен объяснить его поступки и его характер, только пристальное внимание к его внутренней жизни может прояснить борьбу с внешним миром, которая является лишь отражением его собственной внутренней борьбы. С. Березнер указывает на то, что Григорий Мелехов «борется не только против тех, кто ему противостоит, но и с самим собой... При душевном разладе, который Мелехов испытывает, правильно понять направление его движения и развития можно только тогда, когда раскрыт его внутренний мир» [2, с. 25].

27 сентября 1940 года в отделе критики Союза писателей СССР состоялось совещание, на котором выступил А. Бек, рассматривавший центральную коллизию романа в откровенно политическом русле. Критик заявил о том, что «...с точки зрения советской власти тут мало найдется людей, которые будут утверждать, что это основное произведение социалистического, коммунистического общества. Всякие наши разговоры, что это исключительный человек (*Григорий Мелехов – В. Е.*) тут прекращаются, это – враг, и он должен быть наказан» [9, с. 23].

Разноречивость, пестрота суждений об образе Григория Мелехова были настолько очевидными, что вынуждали критиков искать пути «к одному решению при оценке всех метаний его тяжелой судьбы» [10, с. 193]. Примечательна в этом смысле статья Б. С. Емельянова «О “Тихом Доне” и его критиках». Сомнения и искания Григория Мелехова, с точки зрения Б. С. Емельянова, обнаруживают его глубокую натуру и восприимчивость

к изменениям. Григорий Мелехов не аполитичен, и хотя многие критики утверждают, что он является «некоторой инертной массой, которую может толкнуть и направить по желанию, приложив инертную силу, всякий» [Там же, с. 188], это не так: «не отсутствие мотивов делает Григория... внешне безвольным. Он наполнен ими, он натянут до предела...» [Там же, с. 189]. Эта напряженная работа мысли героя часто невидима для постороннего глаза. Б. Емельяновым были предприняты попытки анализа психологических мотивов поступков и действий Григория, что входило в сферу психологизма, который только начинал разрабатываться в советском литературоведении. Об этом писал и Н. Арденс, отмечавший, что третий том «Тихого Дона» – «это, в сущности, повесть о мучительных размышлениях и колебаниях Григория Мелехова» [1, с. 11].

Литературная критика 1939-1941 гг. делала предположения о возможных путях развития образа главного героя: примыкание Мелехова к красным, белым или существование некоего «третьего пути». А. Кипренский указывал на то, что «третий путь» – ложный по своей сути, «неправильный и гибельный» [15], но именно по нему пошел Григорий Мелехов. Критик считал, что к этому «неправильному» пути Григория привело стремление к земле, собственнический инстинкт. В сущности, об этом в журнале «Знамя» писал Л. Левин, считавший Григория Мелехова прежде всего «собственником». Критик отмечает, что Григорию достаточно «счастья хлебороба», но ошибкой главного героя является то, что он борется с теми, кто хочет дать ему это счастье [19, с. 197]. Однако были такие статьи, авторы которых проникли в глубинный смысл шолоховского текста и почувствовали высочайший художественный уровень автора. Одна из таких статей, которая сыграла большую роль для критики «Тихого Дона» впоследствии, – статья «Персонажи “Тихого Дона”» В. Гоффеншера. В ней отмечается, что Григория Мелехова сложно отнести к определенному типу героя. Критик завершает статью словами о том, «что в “Тихом Доне” впервые в истории мировой литературы изображение крестьянина... поднялось до уровня классического изображения типов так называемых культурных классов...» [5, с. 3].

Ю. Лукин также утверждал, что вины Григория Мелехова в том, как сложилась его судьба, нет. Все, что с ним происходило, вело его к одной цели, и цель эта выходит за рамки произведения, она находится в осознании полноты жизни: «За последние годы ни одну книгу не читал я с таким волнением и интересом, как “Тихий Дон”. Абсолютная правдивость – вот, что самое ценное для меня в этой книге. Ничего другого, кроме того, что там написано, не могло случиться с Григорием Мелеховым. Все в его судьбе неизбежно, неотвратимо, как закон физики» [23, с. 5].

Этапы постижения смысла «Тихого Дона», пожалуй, наиболее рельефно запечатлелись в спорах о сущности трагического в романе Шолохова. Ю. Лукин одним из первых подчеркнул, что истоки трагичности «Тихого Дона» – в сущности судьбы его главного героя. Критик вынужден был признать, что «личная судьба Григория трагична». Однако ответственность за эту трагичность возлагается Ю. Лукиным исключительно на самого героя, который указывает на то, что судьба Григория Мелехова «трагична потому, что он оторвался от народа» [24, с. 5]. Так были произнесены слова, которые стали обозначением одной из литературоведческих концепций, утвердившихся в более поздних полемиках 1960-1970-х годов о Григории Мелехове.

Категория «трагическое» по отношению к «Тихому Дону» и его главному герою в критических баталиях 1939-1940 гг. употреблялась критиками неоднократно, однако всякий раз в свойственной тому или иному критику трактовке. Так, В. Ермилов отмечал, что «Тихий Дон» есть «первая советская трагедия». Но причина изображенной Шолоховым истории кроется, по мнению критика, в особом ироническом смысле, которым автор наделил название романа: «...“Тихий” Дон! Он сломал жизнь Аксинье, Наталье, Степану Астахову» [11, с. 3].

И. Гринберг увидел истоки трагедийности образа шолоховского героя в «столкновении логики исторического хода событий и логики личной судьбы Мелехова». Критик писал о том, что «Григорий Мелехов – это отнюдь не заурядный белогвардеец, ...можно сказать, что он “не на той улице живет”. Но именно в этом-то и заключается... трагический его конфликт...» [6, с. 3].

Б. С. Емельянов, прежде всего, задавался вопросом, является ли главный герой романа героем трагическим. Сложно оценить произведение, в котором главный герой не является типичным, а финал романа оставляет больше вопросов, чем ответов. Но верным представляется тот факт, что с точки зрения совмещения в себе черт типического и индивидуального начала Григорий Мелехов – герой трагического типа, сопоставимый с шекспировским Гамлетом. Он демонстрирует способность не принимать предлагаемые ему судьбой обстоятельства, показывая глубину и красоту человеческой природы. Б. Емельянов отмечает, что «Григорий Мелехов, полуграмотный казак, почти чувственно познающий правду, человек действия, и ...рефлектирующий принц из Эльсинорского замка... – одна из самых поразительных параллелей в истории литературы» [10, с. 185]. Рассуждения Б. Емельянова о «всемирно-историческом заблуждении» как основе изображенной в «Тихом Доне» трагедии положили начало развитой позднее (в 1960-1970-е годы) одной из литературоведческих концепций судьбы шолоховского героя.

Молодой критик П. Громов, позднее ставший известным литературоведом, высказал важное для своего времени суждение, касающееся трагедийной природы образа Григория Мелехова, его метания от красных к белым: «В неудовлетворенности читателя теперешней судьбой Григория виноват Кошевой, то есть соотношение образов романа, его общая конструкция» [7, с. 3]. Критик оговаривался в том смысле, что, безусловно, назначать персонального виновника в трагической судьбе Григория (в данном случае – Кошевого) будет не совсем верно, причина трагедии Григория Мелехова не лежит на поверхности. Объективную противоречивость этих суждений Громова точно подметила и охарактеризовала Н. В. Корниенко: «Вывод Громова о “главном дефекте” романа – “Он (Кошевой – Н. К.) интеллектуально ниже всех в романе, а должен быть выше всех” – с филигранной точностью формулирует суть не только историко-политических, но и глубоко личных претензий советской критики к последней части “Тихого Дона”» [18, с. 24].

Глубиной суждений проникнута статья 1940 года Н. Жданова «Последняя книга “Тихого Дона”». Необыкновенная мощь романа, по его мнению, заключается в живописании закономерностей изображаемой в нем эпохи. Справедливо заметил С. Семанов, что в его статье «Впервые, пожалуй, в оценках “Тихого Дона” и его героев появилось понятие “народность”» [29, с. 247]. Логикой развития народной жизни обосновывается и жизнь Григория Мелехова. Н. Жданов утверждал, что до этого в советской литературе и не было такого произведения, «в котором... с таким достоверным знанием действительности отразилась бы народная жизнь России» [13, с. 3], и что трагедия Григория Мелехова состоит в том, что он не захотел быть вместе с народом. В этом проявилась ограниченность позиции Н. Жданова по отношению к «Тихому Дону», но вместе с тем его трактовка «трагического» была более глубокой и объективной, чем представления таких критиков как Ю. Лукин, М. Чарный, В. Кирпотин и др. Характеризуя статью Н. Жданова о «Тихом Доне», В. В. Гура позднее справедливо отмечал, что «Н. Жданов рассматривает “Тихий Дон” как важный этап развития советского романа. Как произведение, которое “будет иметь огромное значение для всего последующего развития нашего искусства”» [8, с. 218].

С высказыванием Н. Жданова выразил согласие критик В. Ермилов, но только отчасти. Он называет «Тихий Дон» «первой советской трагедией», но тут же оговаривается. Судьба Григория Мелехова в 8 части меняется, перед нами совсем другой герой, очищенный страданиями. В. Ермилов отмечает, что «читатели и критики правильно воспринимают Григория Мелехова в 8 части, как **другого, особого** человека, по сравнению с Григорием, известным нам по предшествующим частям романа» (*выделено у Ермилова – В. Е.*) [11, с. 3]. Страдания, через которые проходит Григорий Мелехов, приводят к катарсису и становятся импульсом к новаторству. Об этом В. Ермилов пишет в другой статье, в которой развивает мысль о закономерной связи традиций и новаторства [12]. О том, насколько сложными и противоречивыми были пути постижения современниками сущности центрального образа «Тихого Дона», свидетельствуют признания крупнейших для того времени художников. Подводя итоги состоявшейся в 1940-1941 гг. дискуссии, В. Щербина пришел к выводу о том, что личность Григория Мелехова, типичная для представителей его поколения, все же выходит за рамки определенного типажа. В. Щербина выразил убеждение в метафизическом смысле образа Григория Мелехова, который не может мыслиться в отрыве от судьбы народа и событий революции. Он отмечал, что «роман Шолохова “Тихий Дон” учит нас по-настоящему уважать народ, верить в его творческие силы. Народ, преодолевающий тягчайшие испытания, непобедим... Торжество победы, оптимизм, мужество в преодолении трудностей – вот пафос романа “Тихий Дон”» [32, с. 162].

Настоящее исследование позволяет прийти к выводу о том, что воздействие романа Шолохова «Тихий Дон» на сознание современников уже в то время затрагивало сферу мировоззренческих, идеологических и эстетических принципов, изменения которых не сразу и не во всей значимости могли быть осознаны и тем более освоены современниками. Трудности в понимании глубинного содержания ключевых идей Шолохова во многом определялись тем, что они в своем высшем и конечном смысле по существу противостояли общепринятым этическим и эстетическим нормам.

Список источников

1. Арденс Н. М. А. Шолохов и его романы // Литературная учеба. 1939. № 8-9. С. 8-15.
2. Березнер С. Сила правды: роман «Тихий Дон» // Литература в школе. 1939. № 3. С. 20-30.
3. Бирюков Ф. Г. Снова о Мелехове // Новый мир. 1965. № 5. С. 236-250.
4. Бирюков Ф. Г. Художественные открытия Михаила Шолохова. М.: Современник, 1976. 350 с.
5. Гоффеншефер В. Персонажи «Тихого Дона» // Литературная газета. 1939. 26 августа.
6. Гринберг И. Арифметика и литература // Литературная газета. 1940. 28 июля.
7. Громов П. Григорий Мелехов и Михаил Кошевой // Литературная газета. 1940. 8 сентября.
8. Гура В. Как создавался «Тихий Дон». Творческая история романа М. Шолохова. М.: Советский писатель, 1989. 458 с.
9. Дворяшин Ю. А. М. Шолохов: грани судьбы и творчества. М.: Синергия, 2005. 220 с.
10. Емельянов Б. С. О «Тихом Доне» и его критиках // Литературный критик. 1940. № 11-12. С. 188-193.
11. Ермилов В. О «Тихом Доне» и о трагедии // Литературная газета. 1940. 11 августа.
12. Ермилов В. Традиция и новаторство // Литературная газета. 1940. 25 августа.
13. Жданов Н. Тихий Дон // Ленинградская правда. 1940. 24 мая.
14. Заславский Д. Конец Григория Мелехова // Правда. 1940. 23 марта.
15. Кипренский А. Эпопея казачества. Роман «Тихий Дон» // Работница. 1940. № 19.
16. Кирпотин В. Я. Ровесник железного века. М.: Захаров, 2006. 848 с.
17. Кирпотин В. «Тихий Дон» М. Шолохова // Красная новь. 1941. № 3. С. 182-198.
18. Корниенко Н. В. Тихо льется Тихий Дон (Платонов и Шолохов в 1940 году) // Подъем. 2015. № 5. С. 21-35.
19. Левин Л. Шолохов и Мелехов // Знамя. 1941. № 4. С. 194-216.
20. Лежнев И. Две души // Молодая гвардия. 1940. № 10. С. 119-144.
21. Лежнев И. Мелеховщина // Звезда. 1941. № 2. С. 160-170.
22. Лейтес А. Без «счастливой» развязки // Литературная газета. 1940. 8 сентября.
23. Лукин Ю. Большое явление в литературе // Литературная газета. 1940. 26 мая.
24. Лукин Ю. Окончание «Тихого Дона» // Литературная газета. 1940. 1 марта.
25. Мотылев И. Рецензия на роман «Тихий Дон» // Книга и профсоюз. 1928. № 9. С. 34-35.
26. Палиевский П. В. Пути реализма. Литература и теория. М., 1974. 336 с.
27. Перцов В. «Тихий Дон» как историческая эпопея // Знамя. 1936. № 11. С. 257-260.
28. Полякова Л. В., Костин Е. А. Шолоховедение. Шолоховская энциклопедия. М.: Синергия, 2013. 1216 с.

29. Семанов С. Н. В мире «Тихого Дона». М.: Современник, 1987. 253 с.
 30. Чарный М. Бурные годы «Тихого Дона» // Октябрь. 1940. № 9. С. 156-173.
 31. Чарный М. О конце Григория Мелехова и конце романа // Литературная газета. 1940. 26 июня.
 32. Щербина В. «Тихий Дон» М. Шолохова // Литературный современник. 1940. № 7. С. 159-163.
 33. Экслер И. Как создавался «Тихий Дон» // Известия. 1940. 12 июня.
 34. Эрлих А. Посланцы советской литературы // Новый мир. 1937. № 12. С. 212-220.
 35. Якименко Л. Г. Творчество М. А. Шолохова. М.: Советский писатель, 1970. 664 с.

THE IMAGE OF GRIGORI MELEKHOV IN THE LITERARY CRITICISM OF 1939-1941

Vishnyakova Ekaterina Andreevna

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow
 ekaterinav91@mail.ru

The article deals with the evolution of the image of Grigori Melekhov from a vacillating lone hero to a tragic personality in the perception of the literary criticism of 1939-1941. Grigori Melekhov is understood as a hero, seeking his way, doubting, destined to go through a lot. The ordeals cleanse Grigori Melekhov and show that his fate is closely related to the fate of the people. The conclusion about the innovation in the image of Grigori Melekhov is drawn by the literary criticism of 1939-1941.

Key words and phrases: “And Quiet Flows the Don”; M. A. Sholokhov; Grigori Melekhov; evolution of image; literary criticism of 1939-1941.

УДК 821.111(73)

В статье впервые исследуются ранние драмы Айн Рэнд («Ночью 16 января», «Идеал», «Подумай дважды») в качестве претекстов к ее романам. Автор обращает внимание на аксиологическую составляющую в таких претекстовых элементах драматургии писательницы, как предметно-вещный мир, идеоматика, герои и их ценности, гендерные отношения, сюжетные ситуации. В ходе анализа выявляется, что драматургия Айн Рэнд явилась важным шагом в эволюции ее понимания человека и его места в социуме, его ценностей и идеалов, что нашло впоследствии свое отражение в философии объективизма, автором которой она является.

Ключевые слова и фразы: Айн Рэнд; драматургия Айн Рэнд; «Ночью 16 января»; «Идеал»; «Подумай дважды»; претексты; американская литература; аксиология.

Григоровская Анастасия Васильевна, к. филол. н.

Государственный аграрный университет Северного Зауралья, г. Тюмень
 feministka86@mail.ru

ДРАМЫ АЙН РЭНД КАК ПРЕТЕКСТЫ К ЕЕ РОМАНАМ

Айн Рэнд – американский философ и писательница русского происхождения – широко известна за рубежом (а с недавних пор – и в России) своими романами («Мы живые», «Источник», «Атлант расправил плечи»). Однако помимо романов, она является автором трех пьес, которые по праву можно считать ранними в ее карьере: «Ночью 16 января» (1933), «Идеал» (1934) и «Подумай дважды» (1939).

Все три пьесы объединяет детективный сюжет, во всех трех происходит убийство. Драматургия Айн Рэнд коррелирует с ее общим стилем: доминантой все трех драм является философское осмысление ценностной составляющей человеческой жизни. Иными словами, аксиология уже тогда была предметом размышлений Айн Рэнд, и именно на этих размышлениях «выросли» ее романы. Все три драмы своеобразны тем, что, как и ее романы, являются философскими. Отсюда метафорическая условность, которая придает ее пьесам определенную долю сложности для постановки на сцене.

Задача данного исследования – осмысление формирования в драматических произведениях Айн Рэнд таких элементов поэтики, как предметно-вещный мир, гендерные отношения, сюжетные ситуации, герои и их ценности. Также немаловажно исследовать то, как все эти элементы эволюционировали в дальнейшем, преимущественно романном творчестве писательницы, выразившись в зрелой философской системе объективизма, воплощенной ею в том числе художественно.

Первая пьеса Айн Рэнд «Ночью 16 января» («Night of January 16th», 1933) была нестандартной: всякий раз при постановке никто не знал ее финал. Сюжет строится на судебном заседании – любимая женщина Бьорна Фолкнера (прообразом которого и является шведский магнат) Карен Эндр обвиняется в его убийстве. В конце спектакля зрители, из которых выбирают присяжных, сами выносят приговор главной героине – виновна или нет.

В образе Карен Эндр узнаются отдельные черты Дагни Таггерт из романа «Атлант расправил плечи»: в частности, в эпизоде, в котором мистер Фолкнер дарит ей платье из платины, которое следовало нагревать перед тем, как надеть на голое тело. В романе в одном из эпизодов Хэнк Риарден просит Дагни надеть его